

## ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА: (О книге Р. М. Нуреева «Сравнительный анализ экономических систем»)

ВОСКРЕСЕНСКАЯ НИНА ОЛЕГОВНА,

*кандидат исторических наук, доцент,  
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,  
e-mail: ninaolvoskr@gmail.com*

*Экономическая компаративистика – молодая наука, формирование которой относится к XX в., привлекает к себе все большее внимание научного сообщества. Интерес этот обусловлен самим предметом данной науки – это социально-экономические системы, имевшие место в истории человечества. Понимание того, под влиянием каких сил и факторов они формируются, достигают расцвета, уходят в небытие, каковы внутренние механизмы их функционирования, какие из их характеристик следует отнести к числу фундаментальных – трудно- или вообще не трансформируемых, и какие их параметры не носят принципиально базового характера, в силу чего могут быть относительно легко изменены – это знание необходимо для выработки целесообразной экономической политики и проведения эффективных и отвечающих национальным интересам реформ. Внимание к экономической компаративистике вызывается также ее методологическими возможностями: именно эта наука позволяет получить компактную – в сравнении с традиционной историей – панораму социально-экономического развития человечества. Эта целостная картина позволяет обнаружить ту социально-экономическую систему, которая в наибольшей степени обладает такими притягательными свойствами, как гибкость и внутренние способности к развитию и сохранению социально-экономического равновесия при неблагоприятных внутренних и внешних воздействиях, способность достичь максимальной экономической эффективности и поддерживать ее, ориентированность на обеспечение высокого уровня жизни народа, открытость к взаимодействию с другими народами и государствами. Сделанные выводы могут служить основой для прогнозирования дальнейшей эволюции систем и выбора конкретной модели в качестве желаемого ориентира национального развития. Таким образом, научная информация, полученная экономической компаративистикой, имеет как академическую, так и практическую ценность. Анализу экономической компаративистики как науки и учебной дисциплины, ее предмету, методам, научным школам, ее возможностям и ограничениям, а также стоящим перед ней вызовам посвящена фундаментальная работа профессора Р. М. Нуреева «Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем)». Учебник. Финансовый университет. М.: Кнорус, 2017, о которой и идет речь в данной статье.*

**Ключевые слова:** *компаративистика, социально-экономическая система, методы сравнительного анализа, прогнозирование, экономическое поведение, менталитет.*

## COMPARATIVE ECONOMICS AS A SCIENCE AND EDUCATIONAL DISCIPLINE: TO THE OUTLOOK OF "COMPARATIVE ECONOMICS"<sup>1</sup>

NINA O. VOSKRESENSKAYA,

*PhD in History, associate Professor,  
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,  
e-mail: ninaolvoskr@gmail.com*

*Comparative economics, a young interdisciplinary science, which proper formation belongs to the twentieth century only, has been recently attracting more attention of the scientific community. This quite predictable interest is based on the very subject of the comparative economics which is socioeconomic systems in the mankind history. Researchers want to know what factors make systems come into being, transform, achieve prosperity, stop to develop; they need to understand how systems are functioning and which of their institutions should be attributed to as being fundamental – difficult or not transformed at all, and which of them are not so stable and therefore can be easily changed. This knowledge is crucially needed to elaborate an appropriate economic policy in order to meet national interests and cope with possible crises. Attention to the science is also based on its methodological possibilities: comparative analysis can provide complete and compact socio-economic panorama of mankind evolution versus traditional historical studies. This possible-to-embrace picture of global human history viewed as a set of different economic systems might be a good ground to conclude which of them possesses such attractive features as capacity for development, flexibility, readiness for self-improvement, ability to achieve and maintain reasonable socio-economic balance under negative internal and external influence, openness to interaction with other peoples and states, i.e. what system can provide the best sufficient infrastructure for growth and development focusing on ensuring a high standard of living for the people. Comparative analysis allows to predict, to some extent, the further evolution of economic systems, and chose the most attractive one as a desirable benchmark for national development. Thus, comparative economics is both of academic and practical value for society. Professor R. M. Nureev in his fundamental work "Comparative Economics (Comparative Analysis of Economic Systems)". Financial University. M.: Knorus, 2017) explores socio-economic systems as a subject of comparative economics, discusses methodology of the science, its advantages and limitations, challenges it faces, ideas argued by the most popular scholars; all these questions are discussed in this review.*

**Keywords:** *Economic comparativistics, socio-economic system, methods of comparative analysis, forecasting, economic behavior, mentality.*

**JEL:** B25, B41, F63, N30, P51.

*Все познается в сравнении.  
Народная мудрость*

### ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Начало 2017 г. ознаменовалось важным событием в отечественной историко-экономической науке: вышел в свет фундаментальный труд профессора Р. М. Нуреева «Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем)».

<sup>1</sup> Nureev, R. M. (2017). Comparative Analysis of Economic Systems. Financial University. M.: Knorus.

Задуманный и исполненный как базовый учебник для студентов магистратуры вузов экономического профиля, он стал одним из первых российских учебников, предоставляющих читателю систематический анализ предмета и основных методов историко-экономической компаративистики как науки и содержащих развернутый анализ основных историко-экономических систем; анализ построен на выделении их сущностных характеристик, задающих общие и особенные параметры их функционирования. Однако значение этой работы не ограничивается лишь сферой преподавания: сделан весомый вклад и в становление компаративистских исследований в целом.

В настоящее время разработка проблем экономической компаративистики становится все более актуальной задачей. Эта тенденция отражает объективные закономерности в развитии человечества и мировой науки: всемирная история, являя собой набор различных социо-экономических систем, с необходимостью требует наличия теории, объясняющей их генезис и функционирование; следовательно, историко-экономические компаративистские исследования могут и должны рассматриваться как прямая обязанность современной науки. Отметим, что признание этого факта отчетливо присутствует в ряде научных исследований (Ольсевич, 2014; Кирдина, 2003; 2004; 2016).

**«Три звена» экономической компаративистики.** Экономическая компаративистика, как и всякая другая наука, включает в себя три основных звена: предмет науки – круг анализируемых вопросов; методы, которыми пользуется данная наука при изучении своего предмета; научные школы, образуемые профессиональными учеными, которые изучают данные проблемы с помощью данных методов. Эти звенья определяют своеобразие науки, обозначают ее место в кругу других научных дисциплин и отражают общий уровень ее развития (Нуреев, 2017, сс. 13–85). Остановимся на них более подробно: это необходимо для взвешенной оценки вклада рецензируемой работы в становление мировых компаративистских исследований.

## I. ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ КАК НАУКИ

Экономическая компаративистика – молодая наука, что вполне объяснимо с учетом сложности ее предмета и методов. Для того чтобы сравнительные историко-экономические исследования вышли на определенный профессиональный уровень, должен был быть накоплен достаточный фактический материал, характеризующий социально-экономическое развитие разных человеческих коллективов в масштабном пространственно-временном разрезе: без этого компаративные исследования просто невозможны. Этот уровень был достигнут лишь в Новое время; тогда же были заложены основы историко-экономических компаративистских изысканий.

**Истоки экономической компаративистики.** Истоки экономической компаративистики следует искать в первых попытках периодизации хозяйственной эволюции человечества. Наиболее известные опыты такого рода принадлежат С. Десницкому, увидевшему во всемирной истории смену экономик четырех типов – основанную на собирательстве, скотоводческую, земледельческую и коммерческую; Ф. Листу, выделившему экономики «дикости», «пастушескую», «земледельческую», «земледельческо-мануфактурную» и «земледельческо-мануфактурно-коммерческую»; Б. Гильдебранду, понимавшему историю как движение общества от состояния «безденежного» к «денежному» и далее к «кредитному»; К. Бюхеру, описавшему «домашнюю», «городскую» и «общенациональную» экономики. Широко известная формационная теория К. Маркса предлагала линейку систем, включающую капитализм и социализм – именно эти две системы в силу понятных геополитических причин стали основными объектами анализа экономической компаративистики на протяжении почти всего XX в.

**Научные школы: от века XX к веку XXI.** Значительную роль в том, что развитие компаративистики пошло именно в этом ключе, сыграл американский исследователь Кельвин Б. Гувер. Составленные им в 1930-е гг. труды по экономике советской России (*Hoover, 1931*) и нацистской Германии (*Hoover, 1933*), исследования хозяйственного строя Австрии, Франции, Италии, Польши, Чехословакии, Дании, Швеции, Норвегии, обобщающие работы 1950–1960 гг. (*Hoover, 1962; 1965*) дают основания говорить о нем как об одном из основателей современной экономической компаративистики. Гувер, точно обозначив критические точки анализа, имевшие не только сугубо экономическое, но и самое актуальное геополитическое звучание, задал вектор научной классификации экономических систем на десятилетия вперед.

Впрочем, идеи не даром «носятся в воздухе»; параллельно с Гувером над созданием своей типологии систем трудились ученые Фрайбургской школы, опиравшиеся на крепкие научные традиции и масштабные наработки немецкой исторической школы. Результатом их труда явилась знаменитая теория «идеальных типов хозяйства», одна из наиболее интересных и внутренне непротиворечивых, на наш взгляд, классификаций социально-экономических систем, составленных в XX в.<sup>2</sup> В рамках этой теории выделяются социально-экономические системы всего двух типов – централизованно управляемые и свободные рыночные, далее подразделяемые на подсистемы, имевшие место в разное время у разных народов. В основе этой актуальной и сейчас классификации «хозяйственных порядков»<sup>3</sup> лежат идеи Ойкена о том, что экономическая деятельность людей складывается из одних и тех же формообразующих элементов; она всегда так или иначе завязана на планировании, одинаково присущем и центрально управляемым, и рыночным экономикам; но базовые параметры планирования как «точки отсчета» хозяйственной деятельности в разных экономиках принципиально различны, что имеет следствием их разную внутреннюю архитектуру и функционирование. В «Экономической компаративистике» дается классификация рыночных структур по Ойкену и справедливо отмечаются ее достоинства и недостатки (*Нуреев, 2017, с. 52*). Отметим, что дополнениями к ней могли бы быть близкая к ордолиберальной концепция «социального рыночного хозяйства» (А. Мюллер-Армак, А. Ростов, В. Репке, Л. Эрхард) и теория Л. Мизеса, любопытная в своих методологических основах сравнительного анализа рыночной, смешанной и социалистической экономик и показательная в своем категорическом неприятии последней, а также в логическом обосновании таких оценок (*Mises. Socialism, 1932; Bureaucracy, 1944*). Отметим, что на современном этапе Мизес одним из первых настойчиво проводил кажущуюся сейчас вполне очевидной мысль о том, что «альфой и омегой» хозяйственной жизни является человек с его менталитетом, нравственностью, ценностями и целями (*Mises. Human Action, 1949; Theory and History, 1969; The Anti-Capitalist Mentality, 1956*). Заслуживают внимания и современные отечественные работы в данной области (*Курдина, 2014*).

В «Экономической компаративистике» последовательно рассматриваются все основные профильные компаративистские школы XX в.: школа, ставящая главной целью сравнительный анализ и типологию экономических систем на базе межсистемных сравнений (Т. Купманс, М. Монтиас; Э. Нойбергер, У. Даффи); школа сравнительного институционального анализа (Д. Норт; А. Грейф, М. Аоки), делающая акцент на специфичности институтов и институций в различных экономических системах как их ключевых характеристиках; школа теорий регуляции (М. Аглиетта, Р. Буайе, Ж. Мистраль, А. Липец), в центре внимания которых находятся кризисы различного типа, влияющих на трансформацию систем; большое значение они

<sup>2</sup> Особый вклад в ее разработку внес В. Ойкен (Ойкен, 1995; 1996), Впрочем, в определенной степени ее можно рассматривать и как коллективный продукт, рожденный в научных дискуссиях ученых.

<sup>3</sup> Этим проблемам недаром посвящены многочисленные исследования, в их числе: Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. Р. М. Нуреева. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.

придают анализу законов-тенденций, как общей «сетке», в рамках которой происходит нарушение или восстановление регуляции жизнедеятельности хозяйственной системы (Нуреев, 2017, сс. 74–77). Итак, к последнему десятилетию XX в. на поле экономической компаративистики работали уже несколько научных школ, различавшихся по своим подходам к историко-экономическим исследованиям, используемым терминам, моделям описания, фазам интерпретации и фазам инструментально-аналитическим<sup>4</sup>, но державших в фокусе своего внимания централизованно управляемую и рыночную экономики как противоположные типы государственного хозяйства<sup>5</sup>.

**Крах «мировой системы социализма» и «сдвиг фокуса» компаративистских исследований в сторону институционализма.** Изменения в раскладе сил на международной арене рубежа 1980–1990-х гг., когда социалистическая система хозяйствования, казавшаяся ранее почти незыблемой, неожиданно быстро стала ослабевать и в большинстве социалистических стран ушла в небытие, привели к изменениям и в экономической компаративистике. Главное внимание теперь было сосредоточено на проблеме переходных экономик, движущихся от социализма к капитализму. Фокус исследований сдвинулся в сторону сравнительного анализа законодательных, политических, социальных, культурных институтов и особенностей функционирования «институциональной сетки» стран, вставших на рыночный путь развития. Наибольший интерес вызывали вопросы о том, почему институты столь неоднородны и какие именно из них являются решающими для успешного экономического роста. Итак, с последнего десятилетия XX в. многие аспекты «трансформационных экономик» стали рассматриваться через призму трансформации институтов; признание их огромной роли в процессе эволюции экономических систем свидетельствовало об очевидной взаимосвязи и взаимном влиянии институционализма и компаративистики как отраслей знания<sup>6</sup>. Компаративистский анализ настолько сместился в сторону институционализма, что можно говорить о возникновении «институциональной компаративистики» как особой отрасли знания; эти новые приоритеты в экономической компаративистике трактовались как естественный результат развития человечества.

**Узкопроблемные исследования как экономическая компаративистика?** Смещение ориентиров привело к серьезным переменам во всем исследовательском ландшафте: на принадлежность к экономической компаративистике теперь претендовали работы хотя и актуальные по тематике и корректно исполненные, но узкотематические, выполненные на материале одной страны, ограниченные узкими временными рамками, и, следовательно, на уровень сравнительного анализа экономических систем никоим образом не выходящие. Примером служат замечательные работы по вопросам демографической политики, планированию семьи, контролю рождаемости в Китае, публикуемые в *Journal of Comparative Economics*<sup>7</sup>. Но ни высокое качество работ, ни совершенно справедливая мысль о том, что любые самые узкие исследования могут быть чрезвычайно полезными при исследовании экономических систем не являются, на наш взгляд, достаточным аргументом в пользу того, чтобы причислить эти работы к сфере именно экономической компаративистики<sup>8</sup>.

<sup>4</sup> Логическая схема школ экономической компаративистики, составленная по материалам масштабной работы О.И. Ананьина (Ананьин, 2005, с. 192) наглядно показывает их общие и особенные характеристики и является основанием для их качественной оценки (Нуреев, 2017, с. 77).

<sup>5</sup> Были, разумеется, и другие подходы. В XX в. восхождение человечества по «стадиям роста» от общества «традиционного» до общества с «высоким уровнем массового потребления» показал У. Ростоу; Э. Тоффлер выделил три основные системы – «аграрную», «индустриальную», «постиндустриальную».

<sup>6</sup> Логично определить эту сферу исследований как сравнительные институциональные исследования.

<sup>7</sup> The *Journal of Comparative Economics* is a quarterly peer-reviewed academic journal published by Elsevier on behalf of the Association for Comparative Economic Studies. It was established in 1977 and the editors-in-chief are D.M. Berkowitz (University of Pittsburgh) and G. Roland (University of California at Berkeley).

<sup>8</sup> Junjian Yi, Junsen Zhang, Rufei Guo. Family size, birth order, and tests of the quantity–quality model, pp. 219–224; Fali Huang, Ginger Zhe Jin, Lixin Colin Xu. Love, money, and parental goods: Does parental matchmaking matter? Pp. 224–245; Bingjing Li, Hongliang Zhang. Does population control lead to better child quality? Evidence from China's one-child policy enforcement.

Значительно более близкими к характеру экономической компаративистики как науки были труды, составленные на материале разных стран, от двух до многих десятков. Таковы исследования влияния политических режимов стран мира на уровень обеспеченности населения продовольствием<sup>9</sup>; анализ взаимосвязи продовольственных кризисов и политической нестабильности в странах Африки и Ближнего Востока<sup>10</sup>; изучение кросс-культурных различий в проведении научных изысканий и публикации их результатов, выполненные на большом статистическом материале<sup>11</sup>.

**Экономические системы как предмет экономической компаративистики: актуальны ли эти исследования?** Но как в современной историко-экономической компаративистике обстоят дела с исследованием именно экономических систем? Справедлив ли тезис о том, что после падения мировой системы социализма они вышли из зоны научной актуальности? Действительно ли есть одна полноценная система – рыночная, а все остальные следует рассматривать как ее некие вариации, но не как самостоятельные системы? И можем ли мы быть уверены в том, что система социализма, равно как и другие модели, не могут быть повторены в будущем? Думается, что ответ будет отрицательным. История свидетельствует о том, что при определенных условиях – как правило, когда уровень социального и имущественного расслоения в обществе переходит некий критический рубеж, централизованно управляемые порядки – или в максимально полном виде, или их отдельные базовые черты – легко возвращаются из небытия, становясь социально-экономической и культурно-политической реальностью.

Примером может быть переворот Тайка<sup>12</sup>, движущей силой которого выступало многочисленное зависимое население, заинтересованное в «выравнивании и усреднении» общества. Установленная в результате его экономическая система вполне укладывается в базовые характеристики социалистических порядков. Так, частная собственность на землю была отменена, земля была объявлена государственной собственностью и роздана населению в наделы. Это означало введение в стране наделной системы землепользования; то обстоятельство, что величина наделов была разной для разных слоев населения – участники революции получили дополнительные наделы «за заслуги перед отечеством» – сути наделной системы несколько не меняет. Крестьяне, сохраняя некоторую хозяйственную самостоятельность применительно к своему наделу, были серьезно ограничены в свободе передвижения. Военная служба становилась для всех обязательной; была создана и система государственного образования, обязательная для некоторых социальных групп. Масштабный государственный сектор экономики с неизбежностью потребовал создания обширного государственного аппарата; государственная машина строилась по принципу управленческой «вертикали»: Верховному государственному совету подчинялись центральные ведомства, руководившие местными органами власти<sup>13</sup>. Не правда ли, удивительно похоже на события русской истории столетней давности? Итак, история не дает решительно

Pp. 246–260; *Qing Wang, Xiangrong Yu*. Family linkages, social interactions, and investment in human capital: A theoretical analysis, pp. 271–286; *Xuezheng Qin, Castiel Chen Zhuang, Rudai Yang*. Does the one-child policy improve children's human capital in urban China? A regression discontinuity design, pp. 287–303; *Shuai Zhang Feng, Yingyao Hu, Robert Moffitt*. Long run trends in unemployment and labor force participation in urban China, pp. 304–324. *Journal of Comparative Economics*, vol. 45, issue 2, pp. 217–428 (May 2017). (<http://www.sciencedirect.com/science/journal/01475967>).

<sup>9</sup> The Impact of Regime Type on Food Consumption in Low Income Countries. *Comparative Economic Studies*. March 2017, vol. 59, Issue 1, pp. 107–125. (<https://link.springer.com/journal/41294>).

<sup>10</sup> *Lagi, M, Bertrand, KZ, Bar-Yam, Y*. The food crises and political instability in North Africa and the middle east. 2011: ([http://home.bi.no/a0110709/PolityIV\\_manual.pdf](http://home.bi.no/a0110709/PolityIV_manual.pdf)).

<sup>11</sup> *Simplice, A. Asongu Jacinta, C. Nwachukwu*. A Brief Future of Time in the Monopoly of Scientific Knowledge. *Comparative Economic Studies* (<https://link.springer.com/article/10.1057/s41294-016-0008-y>). December 2016, vol. 58, issue 4, pp. 638–671; *Asongu, SA*. The comparative economics of knowledge economy in Africa: Policy benchmarks, syndromes, and implications. *Journal of the Knowledge Economy*. 2015. (<https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs13132-015-0273-4>).

<sup>12</sup> Япония, 645 г. н.э.

<sup>13</sup> Возникновение и развитие феодализма в Японии / Всемирная история в 10 томах. Т. III. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 52–57.

никаких оснований для того, чтобы всерьез исключить возможность возвращения социалистической экономической системы, следовательно, и наука, изучающая эти системы, вряд ли потеряет свою актуальность в обозримом будущем; предположение о ее избыточности, сделанное на рубеже 1980–1990 гг., представляется несостоятельным.

## II. ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

**Возвращение к истокам: социально-экономические системы как истинный предмет экономической компаративистики.** Итак, предмет экономической компаративистики составляют именно социально-экономические системы, взятые в их исторической динамике и географическом разнообразии, а также их системообразующие элементы, формирующие механизмы их функционирования и определяющие их эволюцию. Следовательно, для анализа систем необходимо понимание того, что есть социально-экономическая система как явление, как она «устроена» и как «работает»; в науке на этот счет имеются разные мнения, расхождения между которыми, впрочем, не выглядят непримиримо острыми (С. Кузнец, «Сравнение экономических систем»; также У. Лоукс, Г. Гроссман, П. Уайлз, Т. Веблен, Дж. Коммонс, Ф. Симиан, Ф. Перу). На первый взгляд, отсутствие строгих определений и жестких границ несколько упрощает задачи работающих в данной сфере, однако очевидно, что именно четкость в понимании того, что есть система, каковы ее внутреннее устройство и принципы действия, должны быть одним из существенных результатов компаративистики как науки: это принципиально важно и для верной классификации анализируемых систем.

**Экономические системы «по Нурееву».** Все социально-экономические системы, с точки зрения автора «Экономической компаративистики», могут быть поделены на традиционные, командные, рыночные и смешанные.

К традиционным автор относит все доиндустриальные общества (Нуреев, 2017, сс. 87–114). Их линейку открывает примитивная экономическая система, сложившаяся в период первобытности. Ее основополагающие характеристики – почти тотальная зависимость людей от природно-географического фактора; существование родовой общины – материнской и позднее отцовской – как единственной формы социальной и хозяйственной жизни; присваивающее хозяйство; коллективное – в рамках данной общины – пользование определенной территорией и ее природными ресурсами; отсутствие частной собственности и медленное формирование нестрогой личной собственности; дарообмен, престижная экономика; система табу; отсутствие общественных институтов наследования власти.

В группу традиционных систем входит и государственная система сельских земледельческих общин, также известная как «азиатский способ производства». Ее важнейшие черты неразрывно связаны с существованием специфических – консервативных, замкнутых и самодостаточных общин, имевших в себе все необходимое для своего воспроизводства, и, как итог, не имевших потребности в сколь-нибудь интенсивных контактах с соседними общинами. Этот экономический порядок характеризуется бесправием рядовых членов общины, низким уровнем их даже базовых потребностей; установлением государственной и отсутствием защищенной законом частной собственности на землю; наличием обширного государственного аппарата, деспотического по методам управления; высоким уровнем налогообложения; регулярными масштабными общественными работами; системой патриархального рабства, проявлявшегося, в частности, в отсутствии четких границ между рабами и свободными. Медленные темпы развития обществ азиатского типа представляются закономерным итогом базовых черт этой социально-экономической конструкции (Нуреев, 2017, сс. 114–155).

Продолжает ряд традиционных соци-экономических систем античная экономическая система (Нуреев, 2017, сс. 156–188), существенные черты которой – высокая социальная активность и значительная степень социальной мобильности, широкое

распространение грамотности; хозяйственная инициатива, характерная, что важно, не только для свободных; отсутствие – в мирное время – прямых налогов на граждан; наличие многочисленных и самостоятельных полисов, выступавших как основная структурная единица социальной и хозяйственной жизни античного общества. Эти характеристики напрямую скоррелированы с быстрым формированием гражданского общества и высоким уровнем товарно-рыночных отношений.

Последняя в группе традиционных обществ – феодальная экономика стран Западной Европы (Нуреев, 2017, сс. 189–231). Среди ее базовых черт – отчетливая сословность общества; иерархическая организация правящего класса; условная собственность на землю; натуральный тип хозяйства; ручной труд с его низкой производительностью; экономическая зависимость крестьян от феодалов и их зависимость личная (неэкономическая) – предмет пристального внимания многих медиевистов, склонных видеть в этом даже саму суть феодальной эпохи. Власть в средневековье действительно в значительной степени основывалась на личных способностях одних людей заставить других повиноваться им; люди подчинялись и самой идее власти и государства: широкое распространение в обществе идеи, что «вся власть – от Бога» может рассматриваться как признак феодального общества.

Современная рыночная система, начальный этап формирования которой, по мнению автора «Экономической компаративистики», наилучшим образом представлен историей Англии – одной из передовых стран Западной Европы в мануфактурный период, обладает, в частности, такими сущностными чертами, как свобода экономических агентов, уверенное формирование гражданского общества и рост его влияния на властные структуры; активный процесс ПНК, в котором легко могли участвовать все основные группы общества; формирование емкого потребительского рынка и рынка факторов производства; усиление роли фактора НТП; усиление внешнеэкономических связей. Набор этих справедливо выделенных социально-экономических характеристик является серьезным обоснованием вывода о значительном потенциале, которым обладает рыночная система хозяйствования (Нуреев, 2017, сс. 233–270).

Практически полной противоположностью рыночной системе выступает система командная, яркий образец которой индустриальную эпоху является социалистическая экономика СССР; блестящий анализ ее дан в главе 14 (Нуреев, 2017, сс. 363–410). Ее системообразующие черты включают в себя, в числе прочих, тотальное огосударствление экономики; постоянный рост бюрократического аппарата; отсутствие института частной собственности и частного предпринимательства; низкий уровень развития гражданского общества; жесткий централизм в управлении; директивное планирование (именно в этой экономической системе «план есть закон хозяйственной жизни»); уравнительную оплату труда; постоянный товарный дефицит; наличие значительного теневого сектора. Эти неразрывно связанные друг с другом характеристики, когда одна неумолимо влечет за собой необходимость и неизбежность другой, и определяют общую неэффективность данной социально-экономической системы. Отметим, что эта верная оценка, на наш взгляд, может относиться лишь к данной конкретно-исторической модели, а не к теоретическим построениям на тему «что есть и какой должна быть социалистическая экономика»; отметим также, что вопрос о ее политической и идеологической жизнеспособности (не целесообразности!) остается открытым.

Смешанная экономическая модель, представленная в современном мире в различных вариантах, начинает формироваться в США в 1930-е гг. как государственный ответ на Великую депрессию (Нуреев, 2017, сс. 411–494) и логичным образом характеризуется усилением роли и расширением сферы участия государства в жизни общества с целью побудить общество двигаться в правильном направлении для выхода страны из кризиса; в разных вариантах смешанной экономической модели границы и формы государственного участия в экономике и других сферах жизни будут разными.



Во многом спорным остается вопрос о том, к какому историко-экономическому типу следует отнести большинство стран в современном мире – так называемые развивающиеся страны. Самые отсталые страны, представленные, в частности, странами Тропической Африки, по своим системообразующим характеристикам укладываются в группу традиционных аграрных обществ, отдельные общества и вовсе находятся на стадии первобытности; этот факт бытия человечества требует самого пристального к себе внимания со стороны социально-экономической и культурно-политической компаративистики. Страны с более высоким уровнем развития могут быть, вероятно, отнесены к группе рыночных (предрыночных?) экономик; в любом случае следует учитывать их национальные особенности.

Важнейшей частью предмета экономической компаративистики как науки является мировое сообщество, взятое как единое целое. Человечество, пройдя путь от маленьких, обособленных, враждебных друг другу коллективов, в виде которых оно существовало на заре истории, к образованию единого глобального мирового сообщества, к мир-системе, демонстрируя последовательную смену и/или сосуществование общественно-экономических систем, на макроуровне и не может быть изучено иначе, кроме как через компаративистский сравнительный анализ.

### III. МЕТОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

**«Классификационный инстинкт» как основа экономико-компаративистской методологии.** Сравнение – исследовательский прием, в основе которого лежит количественное и/или качественное сопоставление разных свойств изучаемых объектов; выявление их базовых характеристик позволяет заключить, что данные объекты равны, подобны, различны (*Большой энциклопедический словарь, 1998, сс. 1139–1140*). Цель сравнительного анализа социо-экономических систем – выяснить, какая из моделей наиболее эффективна и перспективна в экономическом отношении. Отметим здесь существенное отличие компаративных историко-экономических исследований от принципов сравнительного анализа, используемого в других науках, прежде всего в точных и инженерно-технических: если в последних, возможно, и является обычным сравнение анализируемых объектов с «мерой» – некоей точно измеряемой и объективной характеристикой, присущей классу данных объектов, то в случае сравнительных историко-экономических исследований такой «меры» нет. Это обстоятельство возлагает на исследователей дополнительные ограничения, но одновременно открывает и новые возможности для научного поиска.

Важно, что сравнительный анализ, будучи основанным, как утверждает современная наука, на «классификационном инстинкте» – врожденной склонности человека к систематизации изучаемых им объектов, был исторически первой формой анализа наблюдаемого материала; уже в эпоху Древности научная систематика выступала как обязательное условие превращения любого научного знания в полноценную науку<sup>14</sup>. Предположим, что приемы сравнительного анализа будут всегда востребованы.

**Методы традиционные, новейшие и «альтернативные».** Экономическая компаративистика, исследуя экономические системы в их исторической динамике, использует традиционные методы историко-экономического анализа – историко-генетический, историко-типологический, историко-системный, (*Ковальченко, 1987, сс. 151–156, 183*); методы количественные – выравнивания динамических рядов,

<sup>14</sup> Так, уже в III тыс. до н.э. шумеры составили классификации известных им животных и растений; китайцы во II в. до н. э. провели классификацию женских болезней и составили ветеринарные справочники; Аристотель разработал классификацию форм государственного правления; в XVI в. были систематизированы сведения о рудах и минералах; первые попытки систематизации исторических источников относятся, как ни удивительно, к глубокой древности, в XX в. были выработаны классификации исторических источников разработана с позиций трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтаксического (И.Д. Ковальченко). В настоящее время классификация исторических источников по типам и видам с позиции учения информации является основной.

кластерный, факторный, корреляционный анализы (Нуреев, 2017, сс. 629–633); методы, имеющие частично математический и частично качественно-нарративный характер (контент-анализ). Как наука в значительной степени междисциплинарная компаративистика использует и данные других наук; в числе «наук-помощников» укажем на социологию, «добывающую» нужную ей информацию с помощью приемов анкетирования, интервью, лабораторных экспериментов, экспертных оценок. Методом, без которого невозможно изучение мирового экономического сообщества как глобального целого, является рейтинговый анализ. Комплексные рейтинговые оценки, отражая различные параметры бытия стран – от масштабов ВВП до счастья народа, позволяют составить динамическую и пространственную картину глобальной экономики; поистине, рейтинги – это зеркало, в которое смотрится современный мир. Обширный, убедительный и неожиданный материал по рейтинговым исследованиям содержится, в частности, в главе 22 (Нуреев, 2017, сс. 67–73, 77–86).

Весьма эффективными в компаративистских исследованиях могут быть приемы так называемой «альтернативной истории», ставящей целью анализ того, «как могло бы идти развитие данной экономической системы, если бы...» и выделение на этой основе «упущенных возможностей и еще больших, чем в реальности, потерь». Многовариантное историко-экономическое развитие человечества, кажущееся невероятным в рамках традиционной исторической парадигмы, тем не менее, вовсе не отрицается в свете некоторых направлений современной физики; в любом случае анализ «альтернативных потерь и возможностей» может быть полезен для более глубокого проникновения в прошлое, взвешенной оценки настоящего и смелого прогнозирования будущего развития экономических систем.

Экономическая компаративистика не исключает возможности сочетать в научном анализе формационный и цивилизационный подходы и, соответственно, пользоваться наработками обеих концепций. У каждого из подходов есть и сильные, и проблемные стороны; но многочисленные упреки в их адрес далеко не всегда обоснованы<sup>15</sup>. Как одного из наиболее убедительных и ярких сторонников многолинейного подхода к всемирной истории отметим Л. С. Васильева (Васильев, 1994); приверженцем формационной исторической схемы является Ю. И. Семенов (Семенов, 1993); результаты исследований авторитетных ученых разных направлений задействованы в «Экономической компаративистике», что придает работе энциклопедический характер (Нуреев, 2017, сс. 35–61).

**Приемы «свертывание» и «сжатие» информации как выход из «информационного тупика».** Общая концепция «Сравнительной компаративистики» Р. М. Нуреева и заданные ею параметры подачи материала таковы, что позволяют через одновременный охват всех социально-экономических систем иметь целостное представление о всей хозяйственной истории человечества; отметим это как очевидное достоинство методологического аппарата рецензируемой работы и экономической компаративистики как науки. Назовем еще один немаловажный плюс данного научного подхода: он нацелен на максимальное обобщение информации путем ее «свертывания» и «сжатия»<sup>16</sup>. Безусловно, выстраивание цепочки фактов – обязательный элемент

<sup>15</sup> Так, остается неясным, на каком основании сведение «народа к особой цивилизации» а priori приравнивается к «спекуляции»; не реализованный на настоящий момент поиск «объективных» критериев, по которым выделяются цивилизации, отнюдь не означает их действительного отсутствия, а говорит лишь об определенном уровне развития исторической науки; продолжительность существования разных цивилизаций действительно различна, как различны и причины их взлетов и падений – и это отнюдь не является недостатком цивилизационной теории, а лишь отражает верную констатацию исторических фактов и служит серьезным доводом в пользу того, что эти цивилизации действительно разные; исследования «повседневности», призванные, по мнению ряда авторов, заменить историю цивилизаций, не только не противоречат цивилизационному подходу, но, напротив, его усиливают: именно повседневным образом жизни и отличаются друг от друга разные цивилизации.

<sup>16</sup> Любые наработки в этом отношении можно рассматривать как движение в правильном направлении с позиций мировой науки: поистине, Гельвеций был прав, утверждая, что знание немногих принципов способно освободить нас от знания многих фактов (Лихтенштейн, 1981).

«классических» работ исторического профиля, имеет свои преимущества: «упрямые» факты в исторических работах незаменимы; есть темы, в которых принципиальное значение имеют именно детали и даже нюансы этих деталей: те, в которых «прячется дьявол». Существует, однако, проблема, объективная тяжесть которой не уменьшается, а усугубляется день ото дня с удлинением человеческой истории: если фактов – пусть даже понимаемых как главных – слишком много, то за их множеством легко теряются закономерности; в этом случае факты начинают работать против себя: становясь информационным шумом, они неизбежно мешают восприятию информации (Ковальченко, 1987, сс. 121–124; 126–127; 140–144, 148); возникает ситуация, описываемая известной формулой: «глобальных ответов не было, все утопало в частностях».

В этом случае информационное богатство оборачивается своей противоположностью, превращаясь в информационный тупик; суть историко-экономических процессов ускользает даже от внимательного и профессионально подготовленного читателя; проблема стоит намного острее, если речь идет об учебной литературе. Думается, что применительно к хорошему учебнику должен действовать принцип: фактов должно быть не много и не мало, а ровно столько, сколько необходимо для того чтобы разобраться в данной проблеме, выделить и запомнить главное; поставленные в учебнике научные и учебные задачи всегда должны быть соотносимы с возможными затратами времени. Итак, обратимся ко второй грани данной работы с тем, чтобы оценить ее как образец учебной литературы.

#### IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

**«Экономическая компаративистика» Р.М. Нуреева как учебник: взгляд со стороны студента.** Представляется, что «Экономическая компаративистика» Р. М. Нуреева – это тот счастливый случай, когда учебник написан не только на должном профессиональном уровне, но и легко, и интересно; примеры таких замечательных работ не часты, но хорошо известны (*Майбурд, 1996*). В «Экономической компаративистике» материалы по всем социо-экономическим системам, включая и современные, хорошо структурированы и четко поданы; в качестве примера сошлемся на блестящее изложение непростых сюжетов о генезисе капитализма и первоначальном накоплении капитала в Англии; отметим как педагогическую удачу убедительные и логично выстроенные главы, посвященные характеристике административно-плановой системе в СССР и переходной – от социализма к рынку – социально-экономической модели (Нуреев, 2017, сс. 363–408); выделим и главу «Ресурсы экономического роста», в которой ставится вопрос о ведущих факторах экономического развития.

Безусловным плюсом «Экономической компаративистики» как учебника видится масштабный справочный аппарат и прекрасный визуальный ряд, включающий разнообразные схемы, диаграммы, таблицы, графики, выполненные в цвете; очевидно, что наглядность и доступность информации сокращает время читателя, требующееся ему на ее восприятие и запоминание. Важно, что в целом в работе аккумулировано огромное количество разнообразных статистических данных, что полностью соответствует сути и характеру данной учебной дисциплины. Действительно, чем сложнее объект исследования и чем большим количеством переменных он измеряется, тем большую значимость приобретают в анализе цифры и факты: именно на них должны выстраиваться идеи, установки, доктрины (Симчера, 2006, с. 18). Качественная историография, составленная к каждой из 24 глав учебника, призвана способствовать расширению кругозора студентов и стимулировать их самостоятельные научные изыскания. В каждой главе приведены необходимые учебно-методические материалы, вопросы и задания для проверки приобретенных знаний; этот воспринимаемый некоторыми учащимися как избыточный педагогический прием на самом деле

дисциплинирует их учебное поведение. Вставки по «занимательной компаративистике» также определенно привлекут внимание студентов.

Серьезный плюс данной работы – прослеживание комплексных взаимосвязей между экономической историей, историей экономической мысли и экономической теорией: только такой подход и позволяет студентам получить максимально полную и достоверную картину историко-экономической эволюции человечества. Начиная с социо-экономических систем Древности, Р. М. Нуреев последовательно показывает, что думали люди о своей хозяйственной жизни; как их размышления, будучи преобразованными в экономические концепции и далее в экономическую политику, влияли на хозяйственную практику; как видоизменившаяся хозяйственная действительность становилась почвой для новых идей и концепций; особенно фактурно это показано на примере поздних социально-экономических систем. В этом отношении учебник Нуреева полностью укладывается в отличную традицию отечественной университетской историко-экономической науки (Гловели, 2012; Колганов и Бузгалин, 2011).

## V. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

**«Экономическая компаративистика» Р.М. Нуреева как стартовая площадка для новых исследований: задачи на будущее.** Заданный в работе научный уровень способен стимулировать дальнейшие компаративистские изыскания, приблизив читателя к ответу на «вечные» историко-экономические вопросы: что есть богатство, как оно формируется, поддерживается, распределяется и почему есть богатые и бедные страны, народы, люди; каково соотношение случайности и закономерности в хозяйственной истории: все ли предопределено для индивида как хозяйствующего субъекта или даже в суровых рамках самых жестких социально-экономических систем есть определенная личная свобода как основа для личного счастья? – в этом случае, какова ее степень? От понимания сути этих проблем во многом зависит ответ на вопрос, в каком направлении – к какой именно социально-экономической системе человеческой цивилизации следует двигаться в будущем: есть ли некая оптимальная «мера», своеобразный социально-экономический камертон, который стоило бы взять за образец и к которому было бы целесообразным стремиться? Эти ответы в значительной степени формируют наше видение будущего и само будущее.

**Прогнозирование как важнейшая функция экономической компаративистики как науки: теория и практика.** Видение будущего – предвидение есть важнейшая функция любой науки; уровень развития и зрелость наук наиболее точно измеряются точностью вырабатываемых ими прогнозов. Сам критерий проверки правильности теории на практике воплощен в ее прогностических возможностях, это общее правило работает и в сфере историко-экономическую анализа (Фридмен, 1994). Как же обстоят дела с прогностической функцией экономической компаративистики? Способна ли эта наука показать возможные варианты развития конкретных общественно-экономических систем в будущем? Представляется существенным, что этот захватывающий сюжет затронут в «Экономической компаративистике» (Нуреев, 2017, сс. 576–577).

Обзор возможностей и ограничений экономической компаративистики как науки подводит нас к выводу о том, что ее прогностическая функция может быть реализована только в случае выявления закономерностей в функционировании и эволюции социально-экономических систем; знание этих закономерностей, в свою очередь, достижимо лишь на основе улавливания связей и взаимодействий в каждой хозяйственной системе; любые взаимодействия всегда есть взаимодействия между людьми; действительно, в основе всего – «разные комбинации людей» с их разным как индивидуальным, так и коллективным поведением (Аузан, 2014, с. 12). Следовательно, понимание поведения человека и причин его поступков есть обязательное условие точного анализа текущих и верного предвидения будущих экономических процессов, в том числе на уровне

социально-экономических систем. Экономическая компаративистика, таким образом, оказывается перед необходимостью объяснить побудительные мотивы действий человека и устойчивые поведенческие образцы, что невозможно без исследований человеческой психики; очевидно, что эти сюжеты выходят за пределы ее предмета и метода и требуют применения междисциплинарного подхода.

**«Рука помощи» компаративистике со стороны генетики: будет ли теперь пересмотрена вся человеческая история?** Новейшие исследования в области психологии, генетики, нейробиологии<sup>17</sup> свидетельствуют о том, что такие критические для экономического развития любого общества личностные поведенческие характеристики человека, как честность, открытость, доверчивость, благодарность (и множество других!) определяются врожденными свойствами его психики<sup>18</sup>; с высокой долей вероятности должны наследоваться и такие базовые черты экономического поведения, как склонность/несклонность к честному и добросовестному труду, трудовой дисциплине, наличие/отсутствие чувства ответственности за результаты своей деятельности, пр. (Ольсевич, 2014). Таким образом, любое общество предстает как состоящее из людей с разными генетически обусловленными типами поведения, в том числе хозяйственного, а развитие и функционирование общественных систем оказывается результатом действия не только таких очевидных факторов, как географические условия, и наличие природных ресурсов, но и таких «скрытых» сил, как врожденные свойства людей. В этом случае легко объяснимой становится устойчивость социально-экономических систем и их «упорное стремление» не выходить за рамки «своей «колеи»: их «держит» наследуемое и воспроизводимое из поколения в поколение человеческое поведение, устойчивость которого задается и гарантируется генетически, скорость же изменений в геноме крайне невелика и требует тысячелетий. Понятными оказываются и те причины гибели систем, которые связаны со сменой господствующего ранее этноса. Не исключено также, что «вечная» проблема «богатства народов», быстрых и медленных темпов роста, эксплуатации и сотрудничества объясняется лишь качеством психики людей – как руководящей элиты (Ольсевич, 2004), так и общества в целом. Вопрос о том, позволяют ли эти знания правильно реорганизовать социо-экономические системы, чрезвычайно важен в практическом отношении и уже обсуждается в литературе<sup>19</sup>; эта информация может быть незаменимой при решении вопроса о том, какая именно система более всего подходит той или иной цивилизации и каким должно быть ее социально-экономическое устройство с учетом генетических особенностей людей<sup>20</sup>.

**Проблема соотношения генетики и культуры: что сильнее?** Кроме генетических факторов на хозяйственную жизнь человека влияют полученное им воспитание, образование, культура; исследования культуры не случайно становятся все более актуальными среди проникательных экономистов (Вольчик, 2016, сс. 28–39).

<sup>17</sup> Предположения о значительном влиянии врожденных свойств человека – интеллектуальных, эмоциональных, волевых на его экономическое поведение делались давно; природную основу – «склонность» к поступкам отмечали многие исследователи, в их числе Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Т. Веблен, но точные измерения силы влияния генетических факторов на деятельность людей были получены лишь на рубеже XX–XXI вв.: пока эти идеи не получили значительного распространения. Преодоление инерционности мышления экономистов и историков будет иметь вероятным результатом создание не только новой экономической теории, но и новой картины мира.

<sup>18</sup> Вероятность наследования различных признаков по новейшим данным варьируется от 10 до 90 %.

<sup>19</sup> Ю. Я. Ольсевич выдвинул предположение, что оптимальной может быть такая структура общества, когда во главе организаций экономической сферы стоят лица с инновационно-индивидуалистской психикой, во главе организаций социальной сферы – лица с социетарной психикой, а законодательную, исполнительную и судебную власть составляют лица с равновесной психикой (и с соответствующим уровнем общих и специальных способностей) (Ольсевич, 2014).

<sup>20</sup> Над этим вопросом, как известно, размышляли многие великие мыслители; великий Платон был, вероятно, первым, кто предложил его решение в теории «идеального государства». В случае с психогенетикой речь идет не о том, чтобы в формуле «по делам их узнаете их» поменять «дела» на «гень», хотя, не исключено, что у ряда практиков и теоретиков и возникнет такое желание. Речь о том, что именно неодинаковость людей в неодинаковых социально-экономических системах и есть, как представляется, mainstream развития и залог будущего процветания человечества: неоднородности недаром есть ключевая вещь во Вселенной (Рубаков, <https://postnauka.ru/video/19085#!>); не исключено, что именно в них суть истории и вся прелесть мира.

Вопрос о соотношении влияния генетики и культуры вообще очень сложен, и ответа на него пока нет (*Клейтер, 2004*); распространенной является точка зрения, что в среднем влияние на человека внутренних факторов – (генов) и факторов внешних (культуры) уравновешено. В любом случае общественные системы не могут не включать в себя такие стороны жизни людей, как культура и религия; комплексный материал по влиянию идей буддизма, конфуцианства, индуизма, иудаизма, христианства на экономическое развитие содержится в великолепной работе (*Rosser and Rosser, 1996, pp. 85–110*).

Отсюда логичным было бы дополнить исследования в области социально-экономической компаративистики исследованиями в сфере компаративистики «ментальной»: то, во что каждый народ верит; то, как он видит, чувствует, понимает окружающий мир, напрямую влияет на его жизнь и деятельность; в научной литературе есть прекрасные подтверждения этому (*Васильев, 1976, сс. 52–83*). Думается, что для итогового хозяйственного результата повседневная ментальность людей не менее важна, чем выработка экономистами-теоретиками теорий и проведение управленцами-практиками реформ. Отметим, что ряд успешных шагов в этом направлении в рецензируемой работе уже сделан (*Нуреев, 2017, сс. 55, 58–65, 140*).

**Подведем итоги.** Экономическая компаративистика как наука прошла большой путь, однако и впереди – задачи огромной важности и вызовы чрезвычайной сложности. Создание общей теории социально-экономических систем требует учета взаимосвязей множества разнообразных экономических элементов, действующих внутри систем и на межсистемном уровне; столь же необходим и анализ влияющих на них факторов внеэкономических – от генетики и физиологии до культуры и религии. Представляется, что спектр этих факторов должен быть максимально широк – по крайней мере, до тех пор, пока мы не обнаружим то «ключевое звено», которое сможет объяснить влияние всех прочих переменных. Безусловно, это очень трудная задача, но без исследования этих вопросов продвижение вперед вряд ли возможно; замечательно, что современная наука уже может позволить себе ставить такие цели.

Итак, у нас есть все основания поздравить научную, педагогическую и широкую общественность с получением в свое распоряжение фундаментальной работы «Экономическая компаративистика» проф. Р. М. Нуреева и пожелать ее автору и его команде успехов в проведении дальнейших исследований.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Ананьин О. И.* (2002). Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.

*Ананьин О. И.* (2005). Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Институт экономики, с. 192.

*Аузан А.* (2014). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, с. 12.

Большой энциклопедический словарь. (1998). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», сс. 1139–1140.

*Васильев Л. С.* (1994). История Востока. М.: Высшая школа.

*Васильев Л. С.* (1976). Некоторые особенности мышления, поведения и психологии в традиционном Китае / Китай: традиции и современность. М.: Наука, сс. 52–83.

*Вольчик В. В.* (2016). Культура, поведенческие паттерны и индуктивное мышление // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 8, № 4, сс. 28–39.

*Вольчик В. В.* (2014). Индуктивное мышление и экономическое поведение // *Журнал институциональных исследований*, т. 6, № 3, сс. 6–13.

*Гловели Г. Д.* (2012). История экономических учений. М.: Юрайт.

Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. (2000). Экономическая социодинамика. Препринт. М.: Изд-во «ИСЭПРЕСС».

Колганов А. И. и Бузгалин А. В. (2011). Экономическая компаративистика. Учебник. М.: МГУ.

Кирдина С. Г. (2016). Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 8, № 4, сс. 72–91.

Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История.

Кирдина С. Г. (2007). Модели экономики в теории институциональных матриц // *Экономическая наука современной России*, № 2(37).

Кирдина С. Г. (2004). X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука.

Клейпер Г. Б. (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука, сс. 190–197.

Ковальченко И. Д. (2003). Методы исторического исследования. М.: Наука, сс. 121–124; 126–127; 140–141; 148; 151–156; 183.

Лихтенштейн Е. С. (1981). Слово о науке. Книга вторая. М.: Знание.

Майбурд Е. М. (1996). Введение в историю экономической мысли: от пророков до профессоров. М.: Дело, Вита-Пресс.

Нуреев Р. М. (2017). Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). Учебник. Финансовый университет. М.: Кнорус.

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие. М.: Кнорус.

Ойкен В. (1996). Основы национальной экономии. М.: Экономика.

Ойкен В. (1995). Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс.

Ольсевич Ю. Я. (2004). Экономическая теория и психогенетика // *Российский экономический журнал*, № 9–10.

Ольсевич Ю. Я. (2014). Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М.

Ольсевич Ю. (2007). О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения. Ин-т Экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. ([http://www.mnje.com/sites/mnje.com/files/mje\\_2007\\_v03-n06-a09.pdf](http://www.mnje.com/sites/mnje.com/files/mje_2007_v03-n06-a09.pdf)).

Рубаков В. А. (2014). Вселенная до горячей стадии. (<https://postnauka.ru/video/19085#!>).

Симчера В. М. (2006). Развитие экономики России за 100 лет. 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М.: Наука, с. 18.

Семенов Ю. И. (2003). Производство и общество // *Социальная философия. Курс лекций. Учебник / Под ред. И.А. Гобозова*. М.: Издатель Савин С.А.

Семенов Ю. И. (1993). Экономическая антропология. Первобытное и раннее классовое общество. Ч. 1–3. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Фридмен М. (1994). *The Methodology of Positive Economics*. (<https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/us/friedman.htm>).

Худокормов А. (2006). Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада (на материале лекций нобелевских лауреатов по экономике). *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 2, № 4, dec.

Экономическая компаративистика: методологические принципы и направления развития (2003). Сб. статей / Под ред. О. И. Ананьина. М.: Институт экономики РАН.

Gérard, Roland E. *Comparative Economics in Historical Perspective*. Second World Congress of Comparative Economics «1917–2017: Revolution and Evolution in Economic Development» St. Petersburg, Russia, June 15–17, 2017. (<https://spb.hse.ru/en/compecon>).

Hoover, C. B. (1931). *The Economic Life of Soviet Russia*. New York: The Macmillan Company.

*Hoover, C. B.* (1933). *Germany Enters the Third Reich*. New York: The Macmillan Company.

*Hoover, C. B.* (1962). *Economic Systems of the Commonwealth*. Durham: Duke University Press.

*Hoover, C. B.* (1965). *Memoirs of Capitalism, Communism, and Nazism*. Durham: Duke University Press.

*Mises, L.* (1944). *Bureaucracy*, Yale University Press, pp. 74–109.

*Mises, L.* (1949). *Human Action. A Treatise on Economics*. Yale University Press.

*Mises, L.* (1981). *Socialism*. Liberty fund, Inc., Indianapolis, Indiana, pp. 17–27; 465.

*Mises, L.* (1956). *The Anti-Capitalistic Mentality*. Princeton, N.J.

*Mises, L.* (1980). *Planning for Freedom*. Libertarian Press.

*Rosser, J. B., Jr. and Rosser M. V.* (2004). *Comparative Economics in a Transforming World Economy*. Chicago: Irwin, (2-nd edition, Cambridge, MA: MIT Press).

### REFERENCES

*Ananin, O. I.* (2002). *Comparativistics in the Methodological Tools of Economist*. Scientific Report. Moscow: Institute of Economics, RAS Publ. (In Russian).

*Ananin, O. I.* (2005). *Structure of Economic and Theoretical Knowledge: Methodological Analysis*. Moscow: Institute of Economics Publ., p. 192. (In Russian).

*Auzan, A.* (2014). *Economy of Everything. How Institutions Determine our Life*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., p. 12. (In Russian).

*Clayper, G. B.* (2004). *Evolution of Institutional Systems*. Moscow, Science [Nauka] Publ., pp. 190–197. (In Russian).

*Economic Comparative Studies: Methodological Principles and Directions of Development* (2003). *Digest of Articles*. Ed. O.I. Ananin. Moscow, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

*Eucken, W.* (1995). *Basic Principles of Economic Policy*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).

*Eucken, W.* (1996). *Fundamentals of National Economy*. Moscow, Economics Publ. (In Russian).

*Friedman, M.* (1994). *The Methodology of Positive Economics*. (<https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/us/friedman.htm>).

*Great Encyclopedic Dictionary* (1998). 2-nd ed. Moscow, Scientific Publishing House Russian Encyclopedia, pp. 1139–1140. (In Russian).

*Gérard, R. E.* (2017). *Comparative Economics in Historical Perspective. Second World Congress of Comparative Economics «1917–2017: Revolution and Evolution in Economic Development»* St. Petersburg, Russia, June 15–17, 2017. (<https://spb.hse.ru/en/compecon>).

*Glouveli, G. D.* (2012). *History of Economic Thought*. Moscow, Yurayt Publ. (In Russian).

*Grinberg, R. S. and Rubinshtein, A. Y.* (2000). *Economic Sociodynamics*. Preprint. Moscow, ISEDPRESS Publ. (In Russian).

*Hoover, C. B.* (1931). *The Economic Life of Soviet Russia*. New York: The Macmillan Company.

*Hoover, C. B.* (1933). *Germany Enters the Third Reich*. New York: The Macmillan Company.

*Hoover, C. B.* (1965). *Economic Systems of the Commonwealth*. Durham: Duke University Press, 1962; *Memoirs of Capitalism, Communism, and Nazism*. Durham: Duke University Press.

*Kolganov, A. I. and Buzgalin, A. V.* (2011). *Comparative Economics*. Textbook. Moscow: MSU (In Russian).

*Kirdina, S. G.* (2004). *X- and Y-Economy: Institutional Analysis*. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian).



*Kirdina, S. G.* (2014). The Institutional Matrices and the Development of Russia. Introduction to X-Y-theory. St. Petersburg, Nestor-History Publ. (In Russian).

*Kirdina, S. G.* (2016). Institutional Organizational of Economic Reproduction in X- and Y-Economies. *Journal of Institutional Studies*, 8(4), 72–91. (In Russian).

*Kirdina, S. G.* (2007). Models of Economics in the Theory of Institutional Matrices. *Economic Science of Modern Russia*, 2(37). (In Russian).

*Khudokormov, A.* (2006). The Main Trends in Modern Western Economic Theory (Based on the Lectures of Nobel Laureates in Economics). *Montenegrin Journal of Economics*, 2(4), dec. (In Russian).

*Kovalchenko, I. D.* (2003). Methods of Historical Research. Moscow, Science [Nauka] Publ. (In Russian), pp. 121–124; 126–127; 140–141; 148; 151–156; 183.

*Liechtenstein, E. S.* (1981). A Word about Science. The Second Book. Moscow, Knowledge [Znanie] Publ. (In Russian).

*Mayburd, E. M.* (1996). Introduction to the History of Economic Thought: from Prophets to Professors. Moscow, Deal, Vita-Press Publ. (In Russian).

*Mises, L.* (1944). Bureaucracy, Yale University Press Publ., pp. 74–109.

*Mises, L.* (1949). Human Action. A Treatise on Economics. Yale University Press Publ.

*Mises, L.* (1981). Socialism. Liberty fund, Inc., Indianapolis, Indiana Publ., pp. 17–27, 465.

*Mises, L.* (1956). The Anti-Capitalistic Mentality. Princeton, N.J. Publ.

*Mises, L.* (1980). Planning for Freedom. Libertarian Press. Publ.

*Nureev, R. M.* (2017). Economic Comparativistics (Comparative Analysis of Economic Systems). Textbook. Financial University. Moscow, Knorus Publ. (In Russian).

*Nureev, R. M.* and *Latov, Yu. V.* (2016). Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis): Textbook. Moscow, Knorus Publ. (In Russian).

*Olsevich, Y.* (2004). Economic Theory and Psychogenetics. *Russian Economic Journal*, 9–10. (In Russian).

*Olsevich, Y.* (2014). Psychological Basis of Economic Behavior. Moscow, INFRA-M. Publ. (In Russian).

*Olsevich, Y.* (2007). On the Psychogenetic and Psychosocial Foundations of Economic Behavior. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow State University. ([http://www.mnje.com/sites/mnje.com/files/mje\\_2007\\_v03-n06-a09.pdf](http://www.mnje.com/sites/mnje.com/files/mje_2007_v03-n06-a09.pdf)). (In Russian).

*Rosser, J. B., Jr.* and *Rosser, M. V.* (2004). Comparative Economics in a Transforming World Economy. Chicago: Irwin (2-nd edition, Cambridge, MA: MIT Press).

*Rubakov, V. A.* (2014). The Universe before a Hot Stage. (<https://postnauka.ru/video/19085#!>). (In Russian).

*Simchera, V. M.* (2006). Development of the Russian Economy in 100 Years. 1900–2000. Historical Series, Centuries-old Trends, Institutional Cycles. Moscow, Nauka Publ. p. 18. (In Russian).

*Semenov, Y. I.* (2003). Production and Society. Social Philosophy. Lecture Course. Textbook. Ed. I.A. Gobozov. Moscow, Publ. Savin S.A. (In Russian).

*Semenov, Y. I.* (1993). Economic Anthropology. Primitive and Early Class Society. Ch. 1–3. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

*Vasilyev, L. S.* (1994). History of the East. Moscow, High School Publ. (In Russian).

*Vasilyev, L. S.* (1976). Some Features of Thinking, Behavior and Psychology in Traditional China. China: Traditions and Modernity. Moscow, Nauka Publ., pp. 52–83. (In Russian).

*Volchik, V. V.* (2016). Culture, Behavioral Patterns and Inductive Reasoning. *Journal of Institutional Studies*, 8(4), 28–39. (In Russian).

*Volchik, V. V.* (2014). Inductive Reasoning and Economic Behavior. *Journal of Institutional Studies*, 6(3), 6–13. (In Russian).